

DOI 10.21672/1818-510X-2021-69-4-140-146

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ КАЛМЫКОВ
В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.***

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, профессор
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Российская Федерация, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

В статье рассматривается трансформация этнической ментальности калмыков в конце XIX – первой половине XX в. Спецификой калмыков является тот факт, что они, будучи восточным, буддийским и монголоязычным народом, совершив трансграничный переход из Азии в Европу, в течение нескольких веков проживают на территории Нижнего Поволжья. Отмечается, что уже на рубеже XIX–XX вв. в калмыцком обществе усиливается социальная дифференциация населения, что последовательно размывало традиционные ценности, устои и нормы поведения. Развитие товарно-денежных отношений в калмыцком обществе способствовало появлению принципиально новой прослойки людей – торговцев и скотопромышленников, чья ментальность заметно отличалась от традиционной. Отходничество калмыков в русские города и села, а также на соляные и рыбные промыслы также оказывало влияние на их ментальность. После окончания Гражданской войны в Калмыкии был проведён целый ряд преобразований, которые коренным образом изменили культуру, быт и ментальность степняков, в частности, был осуществлён переход калмыков на осёдлый образ жизни. В 1920–1930-е гг. калмыки начали утрачивать такие существенные элементы своей этнической культуры, как кочевое хозяйство, письменность, религия и т. д. Одновременно с отрицанием прошлого и традиций, началось насаждение унифицированной советской культуры, нового социалистического образа жизни. Депортация нанесла колоссальный урон калмыцкому народу и его культуре. В ходе сибирской ссылки произошёл разрыв преемственности в социокультурной сфере, были забыты многие традиции и обычаи калмыцкого народа. В то же время калмыцкий этнос смог сохранить свою национальную идентичность и основные особенности этнической ментальности, которая при этом приобрела некоторые новые черты. Исследование показало, что данный относительно небольшой период истории оказал значительное влияние на культуру и ментальность калмыцкого этноса.

Ключевые слова: калмыки, Калмыкия, калмыцкая культура, ментальность, идентичность, этнос, этническое сознание, седентаризация, калмыцкий язык, калмыцкая письменность, буддизм в Калмыкии, депортация калмыков.

Цитирование. Уланов, М. С. Трансформация этнической ментальности калмыков в конце XIX – первой половине XX вв. / М. С. Уланов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4 (69). – С. 140–146. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-140-146.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**TRANSFORMATION OF THE ETHNIC MENTALITY OF THE KALMYKS
AT THE END OF THE 19TH AND THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY***

Mergen S. Ulanov, Doctor of Philosophical Science, Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
11 Pushkina Str., Elista, 358000, Russian Federation
E-mail: ulanov1974@mail.ru

The article considers the transformation of the ethnic mentality of the Kalmyks at the end of the 19th and the first half of the 20th century. The specificity of the Kalmyks is the fact that they, being an Eastern, Buddhist and Mongolian-speaking people, having crossed the border between Asia to Europe, have been living in the Lower Volga region for several centuries. It is noted that as far back as the turn of the 19th-20th century, the social differentiation of the population in Kalmyk society is increasing, which has consistently eroded traditional values, foundations and norms of behavior. The development of commodity-money relations in Kalmyk society contributed to the emergence of a fundamentally new stratum of people - traders and livestock producers, whose mentality was notably different from the traditional one. The migratory movement of Kalmyks to Russian cities and villages, as well as to salt and fish industries, also influenced their mentality. After the end of the Civil War in Kalmykia, a number of transformations took place and

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНМ в рамках научного проекта №20-511-44006 «Философия монгольских этносов».

* The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44006.

changed the culture, way of life and mentality of the steppe people dramatically, in particular, the Kalmyks switched to a sedentary lifestyle. In the 1920s and 1930s Kalmyks began to lose such essential elements of their ethnic culture as nomadic economy, writing, religion, etc. Simultaneously with the denial of the past and traditions, the unified Soviet culture and a new socialist way of life were imposed. The deportation caused colossal damage to the Kalmyk people and their culture. During the Siberian exile, the continuity in the socio-cultural sphere was disrupted, many traditions and customs of the Kalmyk people were forgotten. At the same time, the Kalmyk ethnos was able to preserve its national identity and the main features of the ethnic mentality, which at the same time acquired some new features. The study revealed that this relatively short period of history had a significant impact on the culture and mentality of the Kalmyk ethnic group.

Keywords: Kalmyks, Kalmykia, Kalmyk culture, mentality, identity, ethnos, ethnic consciousness, sedentarization, Kalmyk language, Kalmyk writing, Buddhism in Kalmykia, deportation of Kalmyks.

Citation. Ulanov, M. S. Transformation of the ethnic mentality of the Kalmyks at the end of the 19th and the first half of the 20th century. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2021, no. 4 (69), pp. 140–146. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-140-146.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Актуальность настоящего исследования связана с тем фактом, что процесс глобализации является серьёзным вызовом для ментальности и идентичности этносов. Мировая глобализация и модернизация затрагивают не только политическую и экономическую сферы, но и ведут к острому кризису национальных культур, создают реальную опасность потери национальной идентичности, этнического сознания и этнической ментальности. В условиях современных глобализационных и модернизационных процессов появляется серьёзная опасность нивелировки культурного разнообразия этносов, остро встаёт вопрос о сохранении этнического сознания, национальной идентичности и ментальности.

Реакцией на усиление глобализационных и унификационных тенденций в современном мире, затрагивающих почти все сферы общественной жизни – экономическую, политическую, культурную, стал антиглобализм, представляющий собой не только некое маргинальное политическое движение, но и широкий параллельный процесс, направленный на противодействие различным негативным проявлениям мировой глобализации. Современный антиглобализм проявляется в форме протестов различных социальных и этнических групп. Страх перед утратой своей этнической культуры и идентичности характерен сегодня почти для всех этносов. Он также проявляется на государственном уровне и выражается в политике сохранения своей национальной идентичности и в отстаивании своих ключевых национально-государственных интересов.

В ситуации глобальной культурной унификации естественной реакцией на опасность потери этнической идентичности становится обращение к традиционным ценностям. Акцент на этническую самобытность, устоявшиеся религиозные ценности и отторжение «чужеродных» влияний является объективным результатом стремления людей к сохранению своего этнического сознания и национальной идентичности. При этом нередко происходит впадение в крайность, когда глобализму и космополитизму начинают противопоставлять радикальный национализм и религиозный фундаментализм. Таким образом, важнейшей тенденцией современного развития мировой цивилизации становится противостояние глобальных универсальных стандартов и традиционных этнических ценностей.

Все эти факторы актуализируют обращение к проблеме трансформации этнической ментальности калмыков в конце XIX – первой половине XX в. Дополнительный интерес к данной проблеме придаёт тот факт, что калмыки, будучи восточным, буддийским и монголоязычным народом, совершив трансграничный (и отчасти транскультурный) переход из Азии в Европу, в течение нескольких веков проживают на территории Нижнего Поволжья. Являясь единственным буддийским и монголоязычным этносом в Европе, находясь в христианско-исламском окружении, они за четыре столетия пребывания на Юге России претерпели значительные трансформации в сфере культуры и ментальности, восприняв элементы русской и западной культур, но сохранив при этом собственную этническую и конфессиональную идентичность. В силу этого калмыки представляют собой яркий пример евразийского этноса [14].

Основная часть

Ментальность калмыков в предреволюционные годы

До конца XIX столетия большая часть калмыков проживала достаточно изолировано от остальной России, находясь как бы в своем замкнутом мире. В целом калмыкам удалось сохранить свой язык, культуру, религию и ментальность. Несмотря на политику христианизации, проводившуюся правительством совместно с православной церковью, основная масса калмыков сохраняла приверженность буддийской религии. При этом на бытовом уровне между представителями буддизма и православия в Калмыкии проявлялись комплиментарность и толерантность [13, с. 116].

Однако на рубеже XIX–XX вв. в Калмыцкой степи начинаются социальные и экономические преобразования. С одной стороны, в 1892 г. были отменены обязательные отношения между высшими и низшими сословиями калмыцкого общества, с другой – Калмыкия оказалась втянутой в рыночные отношения, что способствовало

усилению её интеграции в социокультурное пространство России. Всё это не могло не оказать определённое влияние на ментальность калмыцкого общества, его систему ценностей и этническую картину мира. Постепенно в калмыцком обществе усиливалась социальная дифференциация населения, что последовательно размывало традиционные ценности, устои и нормы поведения. Развитие товарно-денежных отношений в калмыцком обществе способствовало появлению принципиально новой прослойки людей – торговцев и скотопромышленников, чья ментальность заметно отличалась от традиционной. Здесь следует помнить, что для калмыков, в отличие от соседних мусульманских народов, никогда не была характерна склонность к занятию торговлей. В отличие от старой аристократии, видевшей в своём высоком статусе определённую ответственность за народ перед высшими силами, новые богачи зачастую не были обременены морально-этическими нормами и нередко жестоко эксплуатировали бедных соотечественников.

Одновременно в ходе развития капиталистических отношений значительная часть калмыков разорилась и, лишившись скота и пастбищных угодий, вынуждена была уходить на соляные и рыбные промыслы. В книге В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», изданной в 1869 г., отмечается, что «по сведениям министерства государственных имуществ, половина всего рабочего калмыцкого населения ищет себе работу вдали от родного кочевья и живёт на промыслах...» [2, с. 122]. В начале XX столетия данный процесс охватывал в восточных улусах Калмыцкой степи до 75 % всех калмыцких хозяйств.

Естественно, что отходничество калмыков в русские города и села, а также на соляные и рыбные промыслы не могли не повлиять на их ментальность. С одной стороны, выход за пределы степи и соприкосновение с русской культурой расширяли культурный кругозор отходников, давали опыт новой жизни и бытоустойчивости. С другой стороны, калмыцкие рабочие испытывали и негативные влияния, что способствовало распространению среди них таких явлений, как пьянство, хулиганство, пристрастие к азартным играм и т. д. Данные асоциальные явления распространялись среди калмыцких отходников в силу неустойчивости их быта, концентрации на небольшом пространстве людей разного возраста, социального и национального происхождения, отсутствия контроля за нравственными устоями со стороны общины и буддийского духовенства. Великий русский учёный И. И. Мечников, хорошо знавший жизнь калмыцкого народа, приводит такие слова одного из калмыков, занимавшихся отходничеством: «Те из нас, которые идут на заработки в разные города, Астрахань, Царицын, Сарепту, не только ничего не наживают, но ещё разорятся пуще прежнего. Хотя им платят хорошие деньги, но они их употребляют на дурные вещи... Ещё ни один калмык не нажил себе состояния на работах, но многие сделались там горькими пьяницами» [10, с. 351].

По мнению В. В. Батырова, распространение среди калмыков азартных игр было проявлением кардинальных социокультурных сдвигов в калмыцком социуме, связанных с кризисом традиционной культуры и развитием индустриально-рыночных отношений. Калмыки, будучи оторванными от привычной природной, социальной и культурной среды, испытывали культурный шок и ощущали духовный вакуум, который старались заполнить азартными играми и вином. В то же время, отмечает Батыров, в популярности среди калмыков-отходников азартных игр, становившихся причиной их разорения, проявился их этнический менталитет, связанный с отношением к деньгам и имуществу. Как известно, кочевое хозяйство было всегда связано с риском полной потери скота в результате природных катаклизмов. Все это порождало «некую лёгкость в отношении к своему имуществу» [1, с. 186–187].

Трансформация ментальности калмыков в 1920–1930-е гг.

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая Гражданская война коренным образом повлияли на трансформацию ментальности калмыцкого народа. В силу своего географического положения калмыки оказались в эпицентре боевых действий, что самым разрушительным образом сказалось на состоянии кочевого хозяйства. Несмотря на то, что большая часть калмыков не принимала участие в боевых действиях, в ходе красного и белого террора, а также из-за экспроприации скота численность калмыцкого населения резко сократилась. В ходе войны калмыцкий народ потерял значительную часть своей интеллектуальной элиты из числа аристократии, казачества и духовенства. Было разрушено множество хурулов, безвозвратно погибло большое количество произведений культового искусства, рукописей на тибетском и калмыцком языках. Трагические события, происшедшие с калмыками и их духовной культурой в Гражданскую войну, хорошо описаны в кратком очерке И. А. Бунина, опубликованном в 1920 г. в газете «Общее дело» в Париже [8, с. 266–267].

После окончания Гражданской войны в России в Калмыкии был проведён целый ряд реформ, которые коренным образом изменили культуру, быт и ментальность степняков. Прежде всего был осуществлён переход калмыков на осёдлый образ жизни, т. е. была проведена седентаризация. Переход к осёдлому образу жизни у калмыков начался ещё в XIX столетии, что всячески поощрялось царским правительством [9]. Переходу к осёдлости в дореволюционный период способствовали и социально-экономические факторы, связанные с кризисом старых экстенсивных методов ведения скотоводческого хозяйства, которые в новых условиях развития капиталистических отношений в России не удовлетворяли нужды крупных скотоводческих хозяйств. В 1920-е гг. переход к осёдлости вновь обрёл актуальность, так как в период Гражданской войны калмыки потеряли почти весь скот. «Выжить в этой ситуации калмыки могли, лишь сменив скотоводческий образ жизни на осёдлый и, соответственно, радикально поменяв все свои практики, начиная с хозяйственных и заканчивая гигиеническими» [16, с. 135].

Кроме того, большевики связывали практику седентаризации с радикальной трансформацией социальной, экономической и культурной жизни калмыков. Прогрессивное развитие Калмыкии новые власти видели в переходе от кочевого скотоводческого хозяйства к стационарно-животноводческому. Естественно, что переход

к осёдлому образу жизни самым непосредственным образом сказался на ментальности калмыков, поскольку менталитет кочевника значительно отличается от менталитета оседлого жителя. В этнической картине мира калмыков кочевой образ жизни занимал важнейшее место, а кочевье имело символический смысл. Так, например, в ментальности номадов понятия дома и родины не ассоциируются с конкретным строением или участком земли. Домом для кочевника выступает не какое-либо здание, а обширная территория кочевьев, степь, которая его окружает. В целом седентаризация в жёсткой форме трансформировала привычный уклад жизни калмыков, их материальную и духовную культуру, оказывая негативное влияние на механизм трансляции ценностей, традиций и обычаев калмыков.

Большое значение для трансформации ментальности калмыков имела замена старокалмыцкой письменности на кириллицу с добавлением нескольких новых букв. Представители советской власти считали, что переход на новую систему письма самым положительным образом скажется на развитии культуры калмыцкого народа, будет способствовать политическому просвещению, приобщению калмыков к русской и мировой культуре. Однако, несмотря на «благое помыслы», профессиональная некомпетентность деятелей, занимавшихся разработкой новой письменности для калмыков, привела к негативным последствиям для калмыцкого языка и культуры. Одним из самых значительных упущений было игнорирование свойственных калмыцкому языку неясных (редуцированные) гласных, что нашло отражение в новой орфографии. «Позже это создавало очень серьёзную проблему, особенно в учебном процессе, когда дети не могли прочитать слова, состоящие из множества сочетающихся согласных букв» [3, с. 293].

Кроме того, известно, что язык занимает важнейшее место в структуре этнического менталитета и отражает национальный характер. Язык и система письма оказывают значительное влияние на процесс формирования и развития ментальности как общества в целом, так и конкретной личности. Старокалмыцкое письмо *тодо бичиг* было самым тесным образом связано с буддийским мировоззрением и этнической философией калмыков, которые имели несколько другой семиотический базис, чем западная и русская культуры. Всё это негативным образом сказалось не только на языковой ситуации в республике, но и на этническом сознании калмыков. Отказ от старокалмыцкой письменности фактически означал разрыв с традиционной духовной культурой калмыков, которая в значительной степени была зафиксирована в письменных памятниках на *тодо бичиг*.

Ещё одним шагом новой власти стало наступление на буддизм, который был тесно связан с традиционной культурой и ментальностью калмыков. Ещё в годы Гражданской войны большевиками была разрушена часть хурулов (храмов), а многие представители духовенства погибли. В последующий период советская власть действовала более гибкими методами, стараясь, с одной стороны, поддерживать обновленческое движение в буддизме, а с другой – проводить антирелигиозную пропаганду. В результате планомерной агитационной работы к началу 1930-х гг. в общественном сознании жителей Калмыкии сложился негативный образ священнослужителя (ламы). После этого началась кампания по закрытию хурулов, в ходе которой большинство представителей калмыцкого духовенства были репрессированы по различным надуманным статьям. Отказ от традиционной для калмыков религии разрушал структуру духовной культуры, систему этических норм и межличностных отношений, которые были тесно связаны с буддизмом, что отрицательным образом сказывалось на ментальности калмыцкого этноса, состоянии его этнического сознания.

Таким образом, калмыки в 1920–1930-е гг. начали утрачивать такие существенные элементы своей этнической культуры, как кочевое хозяйство, письменность, религия и т. д. Все эти процессы оказывали значительное влияние на состояние духовной культуры, этническое сознание и ментальность калмыков. По мнению представителей функционального подхода в культурной антропологии, изменение даже одного элемента культуры приводит к трансформации и кризису всей системы культуры этноса. В Калмыкии же изменению подверглись почти все основные элементы культуры, что не могло не привести к почти полной трансформации социокультурной жизни народа. Одновременно с отрицанием прошлого и традиций началось насаждение унифицированной советской культуры, нового социалистического образа жизни, что ещё больше подвергло деформации калмыцкую ментальность и этническое сознание.

Социально-экономические, политические и культурные трансформации, происшедшие в СССР и в Калмыкии, в частности, способствовали формированию принципиально нового типа человека, с особой ментальностью. Ш. Фицпатрик в книге «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город» определяет данный тип человека как *homo sovieticus*. По её мнению, для этого типа человека важнейшую роль в жизни играло государство, а сталинизм как идеология и система ценностей был естественной средой. Ментальность такого советского человека определяли такие факторы, как коммунистическая идеология в сталинском варианте, культ новой бюрократии и вождя народов, политика репрессий и террора по отношению к «классовым врагам», жёсткий полицейский надзор [15; 9].

В данный период в ментальности населения страны произошли радикальные трансформации. Эти изменения нашли своё отражение в миропонимании и системе ценностей, которые кардинально менялись, теряя связь с национальными и религиозными традициями. Отказ от целого ряда традиций и обычаев привёл к ослаблению преемственности поколений в обществе. Одновременно происходила маргинализация молодёжи, чему способствовало её отчуждение от этнических и религиозных традиций, понижение роли семейного воспитания и т. д. Именно калмыцкая молодёжь использовалась для проведения массовых антирелигиозных акций.

Ментальность калмыков в годы Великой Отечественной войны и сибирской ссылки

В период Великой Отечественной войны ярко проявился воинский этос калмыков, чью воинскую доблесть, храбрость и мужество отмечали ещё дореволюционные историки. Так, журналистка из США А.-Л. Стронг,

изучив немецкую прессу в начале войны, с удивлением писала, что «по странной иронии судьбы первые красноармейцы, упомянутые в берлинской прессе за «сумасшедший героизм», были ... калмыки, представители народности из дельты Волги...» [11, с. 40]. В период Великой Отечественной войны малонаселенная Калмыцкая АССР смогла направить на фронт более 40 тысяч воинов, из которых 22 человека были удостоены звания Героя Советского Союза. И это притом, что после декабря 1943 г. это звание калмыкам, как правило, не присваивалось по известной причине. Таким образом, по числу лиц, получивших данную награду в годы войны, в соотношении к населению региона Калмыкия находилась в числе первых среди субъектов РСФСР.

Однако несмотря на все героические факты, сталинское руководство подвергло калмыков, вместе с целым рядом других народов, насильственному переселению в восточные регионы страны, обвинив целый народ в предательстве и пособничестве немцам, в результате чего калмыки лишились своей автономии.

Находясь в суровых условиях Сибири, калмыкам пришлось проходить сложную адаптацию к новым климатическим, хозяйственным, социальным и культурным условиям, что ещё более усугублялась жёстким режимом их содержания как ссыльных. В ходе приспособления к новым условиям жизни неизбежно происходили утрата прежних социальных связей, изменение старой модели поведения и коренная трансформация привычного социокультурного комплекса [7, с. 47].

Период ссылки, по мнению Б. А. Бичеев, можно разделить на два этапа: адаптационный и последующий. Первый этап длился примерно пять – шесть лет и был отмечен угнетением этнического сознания калмыцкого этноса, который, попав в совершенно новые условия существования, испытал культурный шок и моральную подавленность. Данное состояние этнического сознания учёный характеризует как «социальную смерть». Калмыцкий этнос «лишился прав, свободы, официального статуса и достоинства» [4, с. 171]. Культурный шок, отмечает Б. А. Бичеев, был связан с такими ментальными состояниями, как напряжение, тревога, чувства неполноценности, лишения и отверженности. Произошёл сбой в системе ценностей, чувствах и идентичности [4, с. 170].

В автобиографическом повествовании О. В. Волкова «Погружение во тьму: Из пережитого» можно найти ряд фактов, подтверждающих трагическую судьбу многих калмыков, особенно тех, кто не смог быстро физически и ментально адаптироваться к непривычным условиям Сибири. Писатель особо акцентирует внимание на сложность адаптации калмыков к тяжёлым условиям жизни сибирской ссылки, которые способствовали быстрому вымиранию народа. «Трудоспособных угоняли на лесозаготовки, отдавали в колхозы, преимущественно на работы, связанные с конями, – пишет Волков. – Калмыки умело с ними обращались, но во всём остальном оказались трагически неспособными приспособиться к новым условиям, пище, климату, укладу жизни» [6, с. 118]. Схожие мотивы можно увидеть и в произведении А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг»: «Калмыки – не стояли, вымирали тоскливо», – писал он [12, с. 401]. Правда, здесь же он уточняет, что сам лично он этого не наблюдал [12, с. 401].

Интересным фактором, вероятно, вытекавшим из ментальности калмыков, было то, что среди депортированных лиц калмыцкой национальности работники НКВД, которые пристально наблюдали за настроениями ссыльных, не отмечали враждебных действий или высказываний по отношению к сибирякам. В действительности калмыки достаточно хорошо ладили с местными жителями и сохранили чувства доброжелательности и благодарности к сибирякам даже спустя много лет после возвращения на родину. В свою очередь, местное население ценило в калмыках такие качества, как трудолюбие и терпение. Вероятно, данные положительные качества проистекали из буддийского менталитета и помогали этносу выжить в тяжёлых условиях ссылки и стойчески переносить все трудности, выпавшие на долю калмыцкого народа [7, с. 50].

В то же время депортация нанесла колоссальный урон калмыцкому народу и его культуре. В ходе сибирской ссылки произошёл разрыв преемственности в социокультурной сфере, были забыты многие традиции и обычаи калмыцкого народа. В силу дисперсного расселения и отсутствия языковой среды новое поколение в своём большинстве плохо знало родной язык, было оторвано от национальных традиций и обычаев. В годы ссылки безвозвратно погибло большое количество памятников буддийской культуры, произведений культового искусства, ценных рукописей. Одновременно происходила маргинализация этноса.

В период ссылки, по мнению Б. А. Бичеева, ментальность калмыков приобрела как положительные, так и отрицательные черты. Из позитивных особенностей, приобретённых калмыками в Сибири, можно выделить сплочённость этноса, вероятно, связанную с ослаблением деления по улусному признаку, целеустремленность, способность к разным видам труда, стремление к образованию. Находясь в Сибири, калмыки хорошо поняли силу образования, особенно высшего, так как образованные калмыки, как правило, устраивались на лучшую работу и, соответственно, имели хорошие шансы на выживание. Стремление к образованию, по мнению учёного, в постдепортационный период приобрело доминирующее значение в калмыцком социуме. Представляя собой, в целом, положительное качество, склонность к получению образования одновременно вела к отдалению калмыков от традиционной хозяйственной культуры. Вероятно, поэтому среди калмыков работа в сфере животноводства постепенно теряла свою привлекательность. Из приобретённых отрицательных качеств ментальности Б. А. Бичеев называет «разрушение устоев традиционной калмыцкой семьи и пьянство» [5, с. 36].

В целом, несмотря на тяжелейшие условия жизни в Сибири, калмыцкий народ смог сохранить свою национальную идентичность и основные особенности этнической ментальности, которая при этом приобрела некоторые новые черты. В то же время негативные факторы, связанные с депортацией и ссылкой (языковая и демографическая проблемы, ослабление религиозных традиций, алкоголизм и т. д.), продолжали оказывать пагубное влияние в последующие десятилетия. В наибольшей степени от депортации пострадал калмыцкий язык, который в последующие десятилетия так и не стал средством повседневного общения для большинства

калмыков. В постдепортационный период языковая среда калмыцкого языка продолжала сужаться, что привело к реальной угрозе его исчезновения как живого языка.

Выводы

Если до конца XIX столетия большая часть калмыков проживала достаточно изолировано от остальной России, то на рубеже XIX–XX вв. в калмыцком обществе усиливается социальная дифференциация населения, что последовательно размывало традиционные ценности, устои и нормы поведения. После окончания Гражданской войны в Калмыкии был проведён целый ряд преобразований, которые коренным образом изменили культуру, быт и ментальность степняков. Одновременно с отрицанием прошлого и традиций началось насаждение унифицированной советской культуры, нового социалистического образа жизни. Депортация нанесла колоссальный урон калмыцкому народу и его культуре. В ходе сибирской ссылки произошёл разрыв преемственности в социокультурной сфере, были забыты многие традиции и обычаи калмыцкого народа. Таким образом, данный относительно небольшой период истории оказал значительное влияние на культуру и ментальность калмыцкого этноса.

Список литературы

1. Батыров, В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX в. / В. В. Батыров. – Элиста : Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2014. – 226 с.
2. Берви-Флеровский, В. В. Положение рабочего класса в России: Наблюдения и исследования Н. Флеровского / В. В. Берви-Флеровский. – Санкт-Петербург : Н. П. Поляков, 1869. – 494 с.
3. Биткеев, П. Ц. Кириллица в системе традиций письменной культуры калмыцкого народа / П. Ц. Биткеев, Г. С. Биткеева // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 3. – С. 288–296. DOI 10.17223/18137083/72/22.
4. Бичеев, Б. А. Дети Неба – Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков / Б. А. Бичеев. – Элиста : Калмыцкий государственный университет, 2004. – 199 с.
5. Бичеев, Б. А. Этническая идентичность в кризисный период (депортация в этническом сознании калмыков) / Б. А. Бичеев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2005. – № 8. – С. 32–37.
6. Волков, О. В. Погружение во тьму: Из пережитого / О. В. Волков // Роман-газета. – 1990. – № 6. – С. 3–122.
7. Зберовская, Е. Л. Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации / Е. Л. Зберовская // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С. 46–51.
8. И. А. Бунин о калмыках // *Orient*. – Санкт-Петербург : Утпала, 1998. – Вып. 2–3. – С. 266–267.
9. Когаева, Н. М. Переход калмыков к оседлому животноводству в конце XIX – начале XX в. / Н. М. Когаева, А. Н. Команджаев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 9. – С. 87–92.
10. Мечников, И. И. Заметки о населении Калмыцкой степи Астраханской губернии / И. И. Мечников // Известия Российского географического общества. – 1873. – Т. 9, № 10. – С. 335–351.
11. Очирова, Н. Г. Насильственное переселение калмыцкого народа и проблемы демографии / Н. Г. Очирова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С. 40–45.
12. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования : в 3 т. / А. И. Солженицын. – Москва : Советский писатель: Новый мир, 1989. – Т. 3. – 574 с.
13. Уланов, М. С. Буддизм и православие в цивилизационном пространстве России: истоки толерантности / М. С. Уланов // Философские науки. – 2013. – № 2. – С. 115–122.
14. Уланов, М. С. Евразийство, православие и буддизм / М. С. Уланов // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 62–65.
15. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 336 с.
16. Четырова, Л. Б. Ментальность калмыков: истоки и причины изменений / Л. Б. Четырова // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 3. – С. 125–146. DOI: 10.25178/nit.2017.3.8.

References

1. Batyrov, V. V. *Ocherki istorii traditsionnoy kultury kalmykov posledney treti XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Essays on the history of the traditional culture of the Kalmyks in the last third of the 18th – first half of the 19th centuries]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences Publ. House, 2014, 226 p.
2. Bervi-Flerovskiy, V. V. *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii: Nablyudeniya i issledovaniya N. Flerovskogo* [The Situation of the Working Class in Russia: Observations and Research by N. Flerovsky]. Saint Petersburg, Publisher: N. P. Polyakov, 1869, 494 p.
3. Bitkeev, P. Ts., Bitkeeva, G. S. Kirillitsa v sisteme traditsiy pismennoy kultury kalmyckogo naroda [Cyrillic in the system of traditions of the written culture of the Kalmyk people]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2020, no. 3, pp. 288–296. DOI 10.17223/18137083/72/22.
4. Bicheev, B. A. *Deti Neba – Sinie Volki. Mifologo-religioznye osnovy etnicheskogo soznaniya kalmykov* [Children of the Sky – Blue Wolves. Mythological and religious foundations of the ethnic consciousness of the Kalmyks]. Elista, Kalmyk State University Publ. House, 2004, 199 p.

5. Bicheev, B. A. Etnicheskaya identichnost v krizisnyy period (deportatsiya v etnicheskom soznanii kalmykov) [Ethnic Identity in the Crisis Period (Deportation in the Ethnic Consciousness of Kalmyks)]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya "Obshchestvennye nauki"* [Izvestiya vuzov. North Caucasian region. Series "Social Sciences"], 2005, no. 8, pp. 32–37.
6. Volkov, O. V. Pogruzhenie vo tmu: Iz perezhitogo [Immersion in darkness: From the past]. *Roman-gazeta* [Roman newspaper], 1990, no. 6, pp. 3–122.
7. Zberovskaya, E. L. Kalmyki-spetspereselentsy v Sibiri: problemy sokhraneniya etnicheskoj identichnosti v usloviyakh deportatsii [Kalmyks-special settlers in Siberia: problems of preserving ethnic identity in conditions of deportation]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 3, pp. 46–51.
8. I. A. Bunin o kalmykakh [I. A. Bunin on the Kalmyks]. *Orient*. Saint Petersburg, Utpala, 1998, vol. 2–3, pp. 266–267.
9. Kogaeva, N. M., Komandzhaev, A. N. Perehod kalmykov k osedlomu zhivotnovodstvu v kontse XIX – nachale XX v. [The transition of the Kalmyks to sedentary animal husbandry in the late 19th – early 20th centuries]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian research], 2011, no. 9, pp. 87–92.
10. Mechnikov, I. I. Zametki o naselenii Kalmytskoy stepi Astrahanskoj gubernii [Notes on the population of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province]. *Izvestiya Rossijskogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Russian Geographical Society], 1873, vol. 9, no. 10, pp. 335–351.
11. Ochirova, N. G. Nasilstvennoe pereselenie kalmytskogo naroda i problemy demografii [Forced resettlement of the Kalmyk people and the problems of demography]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 3, pp. 40–45.
12. Solzhenitsyn, A. I. *Arhipelag GULAG, 1918–1956: Opyt hudozhestvennogo issledovaniya: v 3 tomakh* [GULAG Archipelago, 1918–1956: Experience of artistic research: in 3 vol.]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ. House, Novyy mir Publ. House, 1989, vol. 3, 574 p.
13. Ulanov, M. S. Buddizm i pravoslavie v tsivilizatsionnom prostranstve Rossii: istoki tolerantnosti [Buddhism and Orthodoxy in the Civilizational Space of Russia: the Origins of Tolerance]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2013, no. 2, pp. 115–122.
14. Ulanov, M. S. Evraziystvo, pravoslavie i buddizm [Eurasianism, Orthodoxy and Buddhism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2008, no. 313, pp. 62–65.
15. Fitzpatrick, Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 1930-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 1930s: city]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ. House, 2008, 336 p.
16. Chetyrova, L. B. Mentalnost kalmykov: istoki i prichiny izmeneniy [Kalmyks' mentality: the origins and causes of changes]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2017, no. 3, pp. 125–146. DOI: 10.25178/rit.2017.3.8.